

ШИХАБ АС-САРАФ

**ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ
В ПЕРИОД РАННИХ АББАСИДОВ:
ПАЛИЦЫ, СЕКИРЫ И МЕЧИ**

Предисловие к переводу

Вещи прошлого не говорят, а тексты их современников не всегда свидетельствуют о том, что хотели бы узнать мы. Особенно это касается вещей и текстов далеких эпох или иных культур. Эта проблема хорошо известна любому исследователю материальной культуры. На ней строится одна из интриг научного изыскания.

Мы представляем читателю одну из самых современных работ, автор которой осуществляет еще один шаг в такой увлекательной области, как изучение оружия прошлых эпох. В данном случае речь идет о раннем этапе развития холодного оружия в ареале мусульманской (в первую очередь, арабской) культуры, оказавшей в данном аспекте значительное влияние на последующую историю холодного оружия (в т.ч. европейского). Более того, мы имеем дело с пристальным взглядом «восточного» автора, современного арабского исследователя, публикующего работу на английском языке. Публикация, фактически, вводит в научный оборот материал ранее не переведенных даже на европейские языки арабских трактатов по военному искусству, которые, в отличие от своих европейских коллег, автор широко использует.

В силу того, что в первую очередь мы ставили целью познакомить отечественных ученых-гуманитариев с одним из самых современных зарубежных исследований в области истории оружия, текст приведен в сокращении. Во-первых, из трех тем: палицы, секиры и мечи, – выбрана, если можно так выразиться, наиболее «видовая». Также выпущены некоторые приводимые автором исторические подробности, не играющие решающей роли для того, чтобы у читателя сложилась целостная картина истории мечей в исламском регионе в Средневековье. Благодаря работе научного редактора С.Р. Усеиновой, термины, имена, географические названия и иные реалии, данные автором в точной латинской транскрипции, переданы в переводе кириллицей в соответствии с существующей отечественной востоковедческой традицией. Правда, в некоторых случаях оригинальный текст большой цитаты или специального термина просто не воспроизводится, если сам автор статьи дал его перевод, и этот термин или цитата более не встречается. К сожалению, мы не можем воспроизвести иллюстрации, но заинтересован-

ный читатель сможет найти их в оригинальном издании, вместе с другими текстами по археологии и истории средневекового оружия:

Shihab al-Sarraf. Close Combat Weapons in the Early 'Abbasid Period: Maces, Axes and Swords // A Companion to Medieval Arms and Armour. Ed. David Nicolle. Boydell Press, 2002.

Заинтересовавшимся конкретно темой настоящей публикации можем порекомендовать также следующую статью: Alexander D. Swords and Sabers during the Early Islamic Period // *Gladius*, XXI. 2001. Pp.193-220.

Обращаем внимание, что все даты в статье приводятся сначала целиком по хиджре (с 622 г.), а потом – через косую черту – по европейскому летоисчислению (напр. IX / XV вв.; 295-320 / 908-932 гг.)

Перевод с англ.: Ларионов И.Ю.

Научный редактор: Усеинова С.Р.

ОРУЖИЕ БЛИЗНЕГО БОЯ
В ПЕРИОД РАННИХ АББАСИДОВ:
ПАЛИЦЫ, СЕКИРЫ И МЕЧИ

По причине редкости сохранившихся экземпляров раннесредневекового исламского оружия, не считая знаменитого исключения, составляемого коллекцией мечей, хранящейся в музее Топкапы и в Военном музее в Стамбуле, наши знания в этой области в основном черпаются из изобразительных и письменных источников.

Несмотря на неотъемлемую проблематичность и ограниченность, изобразительные свидетельства были и остаются предметом содержательной, интенсивной и систематической работы современных исследователей [1]. В то же время, письменные свидетельства по большей части остаются неиспользованными или даже неисследованными вообще, хотя они гораздо более насыщены, показательны и заслуживают больше доверия.

Целый корпус письменных свидетельств содержится в литературе *фурусийя*, почти все памятники которой написаны на арабском. Большая часть этого корпуса документальных источников остается неопубликованной и, уж конечно, непереуведенной. Более того, литература *фурусийя* страдает от хронического отсутствия специальных научных исследований и – как следствие – от глубокого непонимания, а также от ряда предрассудков и недоразумений. Одним из наиболее распространенных предрассудков является предположение, что литература *фурусийя* появилась при Айюбидах во в.п. VI / XII – VII / XIII вв. в результате возникновения угрозы со стороны крестоносцев, и достигла зрелости при династии мамлюков в Египте и Сирии в кон. VII / XIII – IX / XV вв. [2].

<...>

Концепция литературы *фурусийя* периода Аббасидов в целом была изложена в работе, написанной в III / IX в. в Самарре и / или в Багдаде одним из полководцев армии Аббасидов и начальником конюшен халифа ал-Му'тадида. Им был Ибн Ахи Хизам Мухаммад б. Иа'куб ал-Хуттали (ум. ок. кон. III / IX в.). Его и можно считать основателем литературы *фурусийя*.

Работы Ибн Ахи Хизама были написаны для аббасидского халифа ал-Мутаваккиля (232-247 / 847-861 гг.) и состоят из двух дополняющих друг друга трактатов, написанных как учебники. Они и стали главным источником для будущих трактатов и в большой степени определили содержание литературы *фурусийя*. Первый трактат охватывает искусство верховой езды (*equitation*), иппологию и полевую ветеринарию (*farrigery*). Второй трактат в основном посвящен началам выездки (*riding*), искусству объезжать лошадей, а также технике обращения с копьём и мечом, оружию, стрельбе из лука и игре типа поло. Эти два трактата дошли до нас либо соединёнными в одну работу, либо как две части одной работы, каждая из которых имеет отдельное предисловие, либо как самостоятельные трактаты, каждый с особым названием. При этом второй трактат часто приписывался другим авторам, либо вообще переписывался анонимно. По этой причине долго не могли определить, что второй трактат Ибн Ахи Хизама, имеющий существенное значение для правильного понимания исламской литературы *фурусийя* в целом, принадлежит III / IX в.

Сам Ибн Ахи Хизам был потомком выдающейся семьи *абна'* [3], которая верно служила Аббасидам в течение нескольких десятилетий [4]. Он был опытным солдатом, знатоком лошадей, мастером искусств *фурусийя* и непрекаемым авторитетом в технике боя на копыях, ближнего боя и в соответствующих видах оружия. Именно поэтому его тексты обладают несравненной важностью, поскольку представляют старейшие из сохранившихся учебников *фурусийя* и выступают крайне ценным свидетельством современника, причем весьма авторитетного представителя военного истеблишмента при Аббасидах.

Его второй трактат, в данной статье исследуемый впервые, стал прототипом текстов, которые можно назвать общими трактатами по *фурусийя*. Это одна из двух основных категорий литературы *фурусийя*. Другая категория представлена тематическими трактатами и включает работы по верховой езде, иппологии и полевой ветеринарии, по стрельбе из лука, по искусству боя на копыях, боя на палицах, трактаты по доспехам и военным машинам, а также об охоте и игре типа поло.

Тематические трактаты *фурусийя* можно подразделить на два типа: обобщающие и специфические тематические. Первые представляют всеобъемлющее обсуждение своего предмета, в то время как последние обращаются только к отдельным его аспектам. В рассуждениях об оружии и доспехах в обобщающих и тематических трактатах делались дополнения двух видов. Первый вид добавлений производили арабские лингвисты и филологи – по

номенклатуре и типам вооружения, известных арабам и используемых ими в до- и протоисламский период (как это представлено, в основном, в арабской поэзии). Второй вид – добавления профессионалов и мастеров *фурусийя*.

В период начиная с в.п. II / VIII по п.п. IV / X вв. большое число обобщающих и тематических трактатов по оружию, доспехам и военной технологии было написано в аббасидском Ираке [5]. К настоящему времени в ходе исследования нам не удалось обнаружить ни одного сохранившегося обобщающего трактата [6]. Однако значительные данные по утерянным трактатам можно найти разбросанными о другим источникам. Энциклопедические словари и сочинения адабного типа (*belles lettres*) сохранили немалую часть того, что написали по нашему предмету филологи эпохи Аббасидов. Так же важные заимствования из обобщающих трактатов по оружию и доспехам, написанных специалистами и мастерами *фурусийя* периода ранних Аббасидов, содержат в себе современные им и позднейшие общие и специальные трактаты.

Что касается специальных трактатов об оружии и доспехах, из написанных в тот период сохранилось только два, а именно трактат ал-Кинди о типах мечей [7] и его же – о составе, производстве и закалке стальных клинков [8]. Оба трактата были написаны для халифа ал-Му'тасима (218-227 / 833-842 г.г.). Первый из них по своему жанру в литературе *фурусийя* уникален. Этот трактат – замечательное полевое исследование, поскольку каждый из описанных типов клинков был известен и испытан лично ал-Кинди, который многие годы провел в кузницах, исследуя рынки мечей в Багдаде, Басре и Самарре. Возможно, именно этим объясняется то, что позже не было предпринято попыток написать что-либо подобное. Действительно, труд ал-Кинди, определенно, остается самым важным источником по мечам за весь период средневековья [9].

Второй трактат, который долгое время считался потерянным, не менее важен. Конечно, ал-Кинди не был ни первым, ни последним мусульманским автором, писавшим об изготовлении стали, но сохранилась только его работа. Более того, признавая, что ни один из упомянутых им 35 рецептов не принадлежал ему, ал-Кинди уверял халифа, что он критично испробовал каждый из них. Ал-Кинди был не только блестящим алхимиком и металлургом, но и философом, так что его второй трактат содержит крайне точные научные свидетельства о предмете. То, что существующее научное издание первого трактата ал-Кинди рудиментарно и грешит большими проблемами, а также отсутствие печатной версии его второго трактата – само существование которого до сих пор многими игнорируется – лишили современных исследователей шанса хоть сколь значительно продвинуться в данной области. Имеются единичные замечательные работы, но всеобъемлющего исследования средневековых исламских мечей до сих пор нет. И это несмотря на тот факт, что среди всего средневекового исламского оружия и доспехов меча представляют собой единственную область, обеспеченную многочисленными письменными, графическими и

материальными свидетельствами, которые затрагивают все ее аспекты, включая социо-экономический, политический и военный.

Данная статья не может решительно изменить ситуацию, т.к. полное исследование всех письменных свидетельств, систематически собранных нами из широкого диапазона источников, вне области и цели данной работы. Основной акцент делается на практическом и функциональном аспектах средневековых исламских мечей как оружия ближнего боя в контексте появления новой кавалеристской тактики, а также сложнейшей системы военного обучения, разработанной и обобщенной в период ранних Аббасидов.

Трудной проблеме форм мечей, имеющей непосредственное отношение к технике ближнего боя и тактике кавалерии, например, уделяется больше внимания, чем типам мечей по их стали, методам изготовления. В этом отношении Ибн Ахи Хизам приводит неоценимые и уникальные сведения, которые позволяют нам сосредоточиться на таких вопросах, как внедрение и употребление сабли, происхождение *калджури* и «*кильч*», роль и важность прямого двулезвийного меча и т.д. Помимо информации о стилях (style) мечей, данные, содержащиеся в литературе *фурусийя*, а также огромное разнообразие других источников о практическом и функциональном аспектах мечей столь богаты, что даже в этой ограниченной области нам необходимо быть избирательным в выборе темы. Поэтому мы сосредоточились на проблемах и их аспектах, которыми либо вообще не занимались ранее, либо на тех, которые, как нам показалось, нуждаются в дальнейшем углублении или обосновании.

Важность, приписываемая мечам источниками, резко контрастирует со слабым интересом, уделяемым палицам и секирам. И это несмотря на то, что последние – как в теории, так и на практике – считались более эффективными в употреблении против защищенного доспехами врага, чем мечи. Соответственно, и сведения о палицах и секирах в литературе *фурусийя* фрагментарны и разбросаны. Здесь существенно обширное использование других типов источников, которые могут содержать пусть и разрозненные, но важные информативные элементы.

<...>

Мечу как оружию кавалерии и пехоты в литературе *фурусийя* III / IX в. приписывалось величайшее значение. В действительности его роль в ближнем бою была преувеличена. Помимо обусловленного традицией внимания к мечу имелось еще пять основных факторов, влиявших на его особый престиж. Во-первых, это прочная адаптация новых стилей мечей, употребляемых и чтобы рубить, и чтобы колоть. Во-вторых, в технике боя и в тренировке всадников было много тонкостей, связанных с мечом. В-третьих, происходили изменения в тактике кавалерии в целом – в основном под влиянием турко-иранской военной традиции. В-четвертых, мечи высокого качества были широко доступны. В-пятых, мечи были гораздо более доступны по

сравнению с другими видами оружия ближнего боя, некоторые из которых предназначались для элиты.

В своем трактате Ибн Ахи Хизам редко касается других видов оружия ближнего боя, мечу же он посвящает длинную главу и считает его благороднейшим и наиболее надежным из всего оружия. Ибн Ахи Хизам упоминает три стиля (style) мечей, что отражает культурные и этнические различия в армии Аббасидов III / IX в. то: прямой двулезвийный меч («*сайф зу-л-хаддайн*»), однолезвийный меч, называемый «*ас-судди*» («согдийский»), и т.н. меч «*хадд ва нисф*» – «острие с половиной» («edge-and-a-half»), который также назывался «*ал-хисравани*» (по-персидски – «царский персидский»). [Далее соответственно «прямой двулезвийный», «согдийский» и «хисравани» – прим. переводчика]. Автор не сообщает никакой дополнительной информации относительно характеристик этих мечей, однако весьма значимо, что он добавляет следующее:

«Для меня тот меч наиболее удобен в бою, который изначально наделен острым концом, поскольку он подходит для того, чтобы колоть (thrusting) и сечь (stabbing). Ибо меч может быть гораздо более эффективным чтобы колоть и сечь, чем чтобы рубить (cutting)» [10].

В целом данное замечание не указывает на то, что прямой двулезвийный меч употреблялся, главным образом, для того, чтобы рубить, однако это вполне соответствует мечам «согдийскому» и *хисравани*. Последние, несомненно, представляли собою сабли или протосабли с прямым или слегка изогнутым лезвием, что было более удобно и чтобы колоть, и чтобы рубить. В своих последующих рекомендациях Ибн Ахи Хизам сосредотачивается на том, как, когда и где колоть мечом и наносить им удары по врагу, защищенному доспехами, на технике боя на мечах на лошади и на типах тренировок и упражнений, в которых нуждался кавалерист для того, чтобы в совершенстве владеть своим мечом. И все эти советы относятся, скорее, к употреблению сабли. Хорошей иллюстрацией может послужить следующее описание подготовительного упражнения, где Ибн Ахи Хизам утверждает:

«Свежий тростник, высотой достигающий уровня всадника, нужно закрепить твердо на земле. Всадник должен двигаться, обратившись к нему правой рукой, на полном галопе, – так же как при упражнении в стрельбе с лошади. Приблизившись, он должен одним быстрым движением вынуть меч и нанести удар по тростнику справа налево, чтобы отсечь кусок длиной в одну руку. Это движение следует повторять до тех пор, пока не останется только один *зира'* тростника (приблизительно 50 см.).

Все это упражнение нужно повторять снова и снова до тех пор, пока оно не будет выполняться в совершенстве. После этого в землю следует воткнуть в одну линию пять стрел на расстоянии 10 *зира'* (приблизительно 5 м.) друг от друга. Всадник на полном галопе должен за один проезд, пользуясь очень острым мечом, одну за другой разрубить все стрелы приблизительно на одной и той же высоте – сразу под оперением.

Когда всадник и это будет исполнять в совершенстве, в землю нужно воткнуть два параллельных, но неровных ряда, по пять стрел в каждом. Всадник – вновь на полном галопе – должен проскакать между двумя рядами стрел, разрубая их под оперением, как в предыдущем упражнении, но нанося удары поочередно направо и налево. Если понадобится, можно увеличить количество стрел. Когда всадник и это будет исполнять в совершенстве, следует упражняться в нанесении ударов в остальных направлениях» [11].

Более того, чтобы поддерживать форму, необходимую для такой игры мечом, Ибн Ахи Хизам рекомендует всаднику регулярно тренироваться в игре в поло, которую он считает крайне важной в военной подготовке всадника (*фарис*).

Описанные упражнения, разработанные самим Ибн Ахи Хизам или другими мастерами *фурусийя* периода Аббасидов, оставались основными для кавалериста, желающего умело владеть мечом, начиная с III / IX в. до конца султаната мамлюков в 923 / 1517 г. Очевидно, что подобного рода тренировки служили на пользу оружия типа сабли, а не двулезвийного прямого меча со всеми его военными и культурными традициями.

Сабля *хисравани* «острие с половиной» напрямую вызывает воспоминания о более поздних мамлюкских и османских саблях *калджури* или *кылыч*, не считая того, что заостренная двулезвийная часть последней составляла приблизительно треть, а не половину лезвия. Я глубоко убежден в том, что выражение «острие с половиной» является, скорее, образным, а не буквальным описанием. Соответственно, и *хисравани* могла быть саблей такого же типа, как и *калджури* или *кылыч*. Среди т.н. «священных мечей», хранящихся в музее Топкапы в Стамбуле, имеются сабли типа *калджури* или *кылыч* (инв. № 21/139). Традиционно считается, что они принадлежали имаму Зайн ал-'абидин 'Али б. ал-Хусайну (ум. 94 / 712). Обоюдоострая часть клинка, составляющая приблизительно четверть от его полной длины 97 см., заметно искривлена. Это, возможно, самый древний из сохранившихся экземпляров сабли *хисравани*.

Согласно ал-Кинди, мечи *хисравани* изготовлялись в Фарсе (ю.-в. Иран) из стали из Сарандиба (Цейлон, совр. Шри Ланка). Он разделил клинки *хисравани* на два типа: простые неукрашенные («*савазидж*») и украшенные под рукоятью «изображением деревьев, людей и иными фигурами». Каленый (*watered*) стальной клинок меча *хисравани* он определяет как «*джаухар* хорошего качества» и помещает его в своей классификации между обычными клинками *джаухар* и «благородным *джаухар*» [12]. Мечи *хисравани* изготовлялись также из стали, привозимой из гор Силман (Афганистан). Однако мы не можем быть абсолютно уверены в том, что сабля *хисравани*, упомянутая Ибн Ахи Хизамом, – это та же самая *хисравани*, о которой упоминает ал-Кинди, т.к. у последнего мы не находим деталей, указывающих на форму клинка.

Тем не менее, очевидно, что когда Ибн Ахи Хизам употребляет слово *хисравани*, он имеет в виду вообще стиль клинка, а не особый вид меча, в связи с которым рассматриваются тип его стали и место изготовления, как это имеет место у ал-Кинди. Так, меч *хисравани* мог быть сделан в Ираке или в ином месте, вне зависимости от состава и происхождения стали. То же самое относится в сочинениях Ибн Ахи Хизама и к употреблению терминов «согдийский» и «двулезвийный» мечи.

Обозначение меча как «согдийского» подтверждает трансоксианское происхождение однолезвийных мечей. В доисламский Сасанидский период Иран и Ирак был знаком с этим типом меча, хотя он и не был особенно распространен в данном регионе. Не был однолезвийный меч незнаком в доисламский период и арабам, однако точно можно сказать, что они предпочитали другие типы мечей. На самом деле, на определенную неприязнь и даже отвращение к такой форме меча может указывать его прозвище «*ал-аклаф*», что буквально значит «необрезанный». Правда, в музее Топкапы хранится однолезвийный меч, полная длина которого составляет 100 см. (инв. № 21/130), традиционно считающийся принадлежавшим пророку Мухаммеду. Со своим почти прямым клинком он вполне может оказаться образцом раннеаббасидской «согдийской» сабли.

Согдианское присутствие в аббасидском Ираке было засвидетельствовано уже для правления халифа ал-Махди и даже еще раньше. Сама мать халифа ал-Му'тасима была согдийского происхождения, хотя традиционно считается, что ее отец ребенком воспитывался в южном Ираке. Однако подобное присутствие, вероятно, не оказывало существенного влияния на оружие и военную тактику до тех пор, пока при халифах ал-Ма'муне и ал-Му'тасиме не начал осуществляться постоянный и широкомасштабный набор в кавалерию оседлого населения Трансоксианы. Рекруты из Трансоксианы самого первого поколения, очевидно, прибывали со своим собственным оружием. Вероятно, в Багдаде и Самарре этими тюрками и / или для них была организована соответствующая развитая инфраструктура – не только для починки и поддержания в порядке их оружия, но и для производства подобной экипировки. По словам ал-Джахиза можно заключить, что она включала и сабли [13]. Помимо того, в III / IX в. среди основных предметов, импортируемых из согдийских городов Трансоксианы, присутствовало оружие, и, в особенности, мечи [14].

Что касается двулезвийного прямого меча, то его употребление было столь глубоко связано с культурой, историей и экономикой региона, а равным образом и с военной техникой и традициями, что возроставшее значение согдийской сабли и сабли *хисравани* не так уж легко могло их затмить. Двулезвийный прямой меч был арабским мечом по преимуществу и со времен халифа ал-Мансура был высоко чтим как символ арабской идентичности. Несколько позже он также стал de facto символом халифата и неотъемлемым элементом придворного церемониала. При общей аудиенции, в процессиях, а также в военных походах аббасидские халифы всегда

появлялись с прикрепленным к перевязи или ремню через плечо двулезвийным мечом. То же самое обычно делали сановники Аббасидов, в том числе командиры армии, причем вне зависимости от своего этнического происхождения. Более того, двулезвийный прямой меч стал центральным элементом церемонии инвеституры («*таклид*») или введения в должность «*вайлайя*» – наместника (governorship), а также входил в состав «*хил'а*» (почетного облачения) или отличия («*тауриф*») [15]. Эту традицию продолжил мамлюкский Египет, где после вторжения в Ирак монголов в сер. XIII в. нашел пристанище халифат.

В Каире аббасидские халифы, номинальное присутствие которых стало частью придворного церемониала мамлюков, крайне нуждались в формах, посредством которых они могли бы легитимизировать султанат. По этой причине аббасидские халифы придавали особое значение ношению арабского меча на перевязи или портуpee. Он носился вместе с черной одеждой и тюрбаном багдадского стиля. Действительно, эти предметы обрели высокую символическую ценность и стали не просто выражением идентичности носителя, но также актом, необходимым для ее сохранения. Мамлюкские султаны во время коронации также надевали – поверх халифского «*хил'а*» – арабский меч, подвешенный к перевязи. Однако этот двулезвийный меч вовсе не был реликтом прошлого: он так или иначе постоянно присутствовал в военном арсенале в течение всего периода правления мамлюков. Помимо султанов, его носили сановники и представители военинного истеблишмента мамлюков. Скорее всего, это делалось не просто ради соблюдения традиций Аббасидов, но потому, что двулезвийный прямой меч все еще рассматривался как достойный соперник сабле *калджури*. Действительно, соперничество этих двух типов оружия сохранялось даже на уровне рядовых мамлюков и отрядов *халка*. Этим можно объяснить то, что достоинства *калджури* подчеркивали некоторые авторы литературы *фурусий* из мамлюков, такие как командир *халка* Ибн Менгли, с гордостью утверждавший, что «*калджури* – вот наш меч» [16]. Он настаивал на ее превосходстве над арабским мечом, который, по его словам, имеет тупой или закругленный конец и может быть употреблен только чтобы рубить, в то время как *калджури* может быть употреблена и чтобы рубить, и чтобы колоть, и поэтому удобна и на войне, и на охоте. Как бы то ни было, *калджури* в армии мамлюков, несомненно, использовалась гораздо шире, чем прямой двулезвийный меч, который, в свою очередь, был более типичен для вспомогательных арабских отрядов; отсюда чисто мамлюкское выражение «*ас-сайф ал-бадави*» – «бедуинский меч».

В действительности многие из этих так называемых «бедуинских мечей» импортировались из Западной Европы, как утверждает ал-Хасан б. Абдаллах ал-Аббаси в своем трактате «Асар ал-увал фи тадбир ад-дувал», посвященном мамлюкскому султану Бейбарсу II (708-9 / 1309-10). Вспомогательная разные типы мечей, упомянутые ал-Кинди, ал-Аббаси сетует на то, что,

помимо преобладающих в его времена сабель *калджури*, больше всего распространены «мягкие франкские мечи» («ас-суйуф ал-ифранджийа ал-лаййна»), причем термин «мягкий» (soft) относится к металлу, из которого они изготавливались. Конкретно речь идет о *ас-суйуф ал-ламания* или *ал-амания*, что значит «немецкие мечи», *ас-суйуф ал-анкабурдийа* – от *Анкабурда*, арабского наименования итальянской Ломбардии, и *ас-суйуф ал-бурдулийа* [17], что, возможно, означает французские мечи из Бордо. Хотя торговля мечами с Западной Европой, по всей вероятности, весь VIII / XIV в. шла через Венецию, сирийские оружейники никогда не прекращали производства для мамлюкской и арабской элиты высококачественных двулезвийных мечей каленой стали. Их деятельность продолжилась до прихода Османов, которые, в конечном итоге, перевезли в Стамбул сирийских оружейников, а также мастеров по изготовлению луков *en masse*.

С падением мамлюкского султаната история двулезвийного меча на арабском и исламском Востоке, фактически, подошла к концу. Впоследствии этот тип оружия в данном регионе был повсеместно заменен сефевидским «*шамшир*» и османской *кылыч*, которая ранее была известна как сабля *калджури*.

На то, что мамлюкская *калджури* представляет собою тип [оружия], аналогичный тому, что ныне известен как *кылыч*, несомненно, указывает многочисленные и непрерывные письменные, изобразительные и материальные свидетельства, относящиеся ко всему периоду мамлюков. Однако ни термин *калджури*, ни его варианты, ни сам этот тип меча не были созданы при мамлюках. Термины *калджури* или *каладжури* (pl. *каладжуриййа*, *каладжуриййат*, *калджуриййа*) обычны для арабских источников начиная с V / XI в., хотя есть свидетельства, что этот тип был широко известен в регионе как минимум с IV / X в. Некоторые наиболее ранние упоминания его упоминания можно найти в источниках эпохи Фатимидов. Со слов Ибн ат-Тувайра очевидно, что при фатимидских халифах в Египте существовали два основных типа меча: арабский – «*ас-суйуф ал-арабиййат*», также называемый «*данадим*» (pl. от «*данадан*») [18], и «*ас-суйуф ал-калджуриййат*» или «*калджури*». Последний описывался как «*ас-суйуф ал-мухаддаба*» – изогнутый меч [19] и в основном ассоциировался с турками и отрядами *гулямов*.

Наиболее ранние упоминания изогнутых мечей в источниках периода Аббасидов встречается в послании ал-Джахиза «ал-Манакиб ат-Турк», в котором говорится, что отряды *хурасани* хвастались своими «кривыми ножами» («*ал-аемад ал-му'аккафа*»), что, очевидно, указывает на употребление изогнутых сабель [20]. Принимая во внимание то, какие стили мечей преобладали в III / IX в., а также указания и предпочтения Ибн Ахи Хижама как мастера *фурусийа* и как командира корпуса *хурасани*, разумно предположить, что типом сабли, на который указывает выражение «кривые ножи», была сабля *хисравани*. Несмотря на поразительное сходство сабель *хисравани* и *калджури* (см. выше), настоящее исследование не позволяет прийти к определенному заключению по данному вопросу, хотя возможности того,

что сабля *хисравани* была предшественницей *калджури*, исключать нельзя. С другой стороны, также нет твердых свидетельств кажущегося очевидным турецкого происхождения сабли *калджури*. Отряды турок и *гулямов* в данном регионе, действительно, предпочитали саблю двулезвийному мечу, но на таком хрупком основании дать ответит на этот вопрос нельзя. Предположение о связи между терминами *калджури* и *кылыч* заставило некоторых ученых просто читать в текстах *килиджури* вместо *калджури*, игнорируя наличие более значимых вариантов данного термина, а также предполагая, что *калджури* происходит от *кылыч*. Тщательное исследование всего корпуса свидетельств показывает, что термин *калджури* был просто формой *каладжури* или *караджури* со вставной гласной, а эти два слова происходят от персидского *карачури* или *карачур*, что обозначает длинный меч или бойца, сражающегося мечом. Приставка *кара-*, если предположить, что это действительно приставка, в турецком обозначает «черный», и это может наводить на мысль о турецком происхождении термина *карачури*. Но в персидских словарях нет ничего по данному предмету [21]. В любом случае, очевидно, что на лингвистическом уровне явной связи между *кылыч*, *карачури* и арабским вариантом последнего термина нет.

Очевидное сходство между *калджури* и *кылыч* как стилей оружия само по себе не является аргументом в пользу турецкого происхождения сабли *калджури*. Термин «*кылыч*», не встречающийся в арабских источниках еще долго после османского завоевания арабского региона [22], представляет собой турецкое слово, обозначающее вообще меч [23], не указывая, как и арабское «*сайф*» или персидское «*шамшир*», на какой-либо конкретный тип. Последний арабо-персидскими лингвистами и филологами, напр. ал-Майдани (ум. 531 / 1136), описывается как непосредственный эквивалент двулезвийного прямого арабского меча «*сайф*» со всеми его вариациями и со всеми синонимами этого слова. Слово потеряло свое обобщающее значение и приобрело современное конкретное – персидский ятаган *rag excellence* – только в XVI в. при Сефевидах (907-1144 / 1502-1735). Это произошло после того, как данный тип [оружия] окончательно сформировался и был провозглашен «национальной» персидской саблей. Аналогичные изменения практически в тот же самый период при османах претерпел термин «*кылыч*». На самом деле, вообще трудно говорить об османской *кылыч* до XVI в., тем более – утверждать, что это был преобладающий тип [меча]. Османы в ранний период экспансии, очевидно, употребляли самые разные мечи – в том числе и европейские. Причиной этого было не только отсутствие не только сырья, но и умелых мастеров, в том числе мечников (*swordsmith*). В «османской ведомости жалования ремесленникам» («*Дефтер-и мавад-жиб-и эхл-и хиреф*»), датированной 883 / 1478 г. числится только три мастера-изготовителя мечей («*шамширгерен*»), работавших для дворца (Сарая) или для правительства [24]. Сохранилось весьма мало экземпляров несомненно османских сабель и мечей XV в., но ни один из них не датируется раньше

правления Мухаммеда II (855-886 / 1451-1481). На самом деле, большинство этих сабель и мечей были изготовлены в *зардархана* – арсенале мамлюков как царские подарки османским султанам от мамлюкских султанов. Индустрия великокопных османских сабель на самом деле начинается с первой половины XVI в., когда после падения мамлюкского султаната в Стамбуле насильно или по собственному выбору в большом количестве обустроились сирийские и египетские оружейники. Здесь они продолжили то, что оставили на родине, и *калджури* пережила второе рождение уже как *кылыч* в османском контексте. Более того, только во второй половине X / XVI в. под влиянием персидской *шамшир* османская *кылыч* стала приобретать свой отличительный стиль, однако это уже другая тема.

Длина и ширина мечей

Ибн Ахи Хизам убеждал всадников пользоваться коротким мечом, поскольку с ним легко управляться, сидя на лошади, в отличие от длинного меча, который, по его словам, более удобен для пешего воина [25]. Согласно ал-Кинди, добротными короткими мечами рубить лучше, чем длинными [26].

Лезвие самого короткого из описанных ал-Кинди мечей достигало – без штыря рукояти (*tang*) – три пяди и четыре согнутых пальца (*closed finger*) – ок. 76 см. В музее Топкапы хранятся два двулезвийных меча, сохранившихся с эпохи Аббасидов, – размерами точно 76 см. + 10 см. штыря (инв. №№ 1/99, 1/101). Самый длинный из упомянутых ал-Кинди мечей достигал – опять же без штыря – пять пядей (ок. 112 см.). Целиком его длина должна была составить ок. 125 см., принимая в расчет то, что штырь рукояти столь длинного меча должен быть более 10 см., какова его средняя длина, приемлемая для более коротких мечей. Однако с того же времени сохранились очень немного длинных мечей, и ни один не соответствует «мечу пяти пядей». Тем не менее, в музее Топкапы имеется исключительно длинный меч (инв. № 21/143), который – вместе с рукоятью – достигает 140 см. Согласно традиции, он принадлежал другу Пророка Джа'фару ат-Таййару (ум. 8 / 629).

Наиболее распространенная длина мечей, засвидетельствованная ал-Кинди, соответствует тому, что можно рассматривать как меч средней длины. Без штыря рукояти его длина составляет четыре пяди (ок. 90 см.). Судя по всему, такая длина была средней для мечей периода Аббасидов – в особенности для мечей кавалерии, – так как большинство хранящихся в музее Топкапы клинков того периода имеют от 88 до 91 см. без штыря или ок. 100 см. со штырем. Менее распространены мечи длиной более четырех, но менее пяти пядей. Лезвие меча халифа ал-Муста'ина (248-252/862-866), – опять же, из музея Топкапы (инв. № 1/109), – длиной 96 см., а вместе со штырем рукояти меч достигает 105 см.

Средняя общая [со штырем рукояти] длина двулезвийных мечей периода мамлюков была ок 100 см., в то время как лезвие *калджури* при мамлюках

без штыря варьировалось от ок. 80 до 90 см. Однако в музее Топкапы имеется одна исключительно длинная *калджури* (инв. № 1/385), общая длина которой составляет 144 см., а одно только лезвие – 123 см.

Что касается ширины лезвия, то оно могло достигать пяти и более пальцев, особенно у йеменской *сафиха*. Однако средняя ширина была ок. трех пальцев. В музее Топкапы хранятся две сохранившиеся йеменские *сафиха*. Одна из них (инв. № 2/3775), традиционно считающаяся принадлежавшей халифу 'Усмани б. 'Аффану, имеет общую длину 115 см. Вторая (инв. № 21/138), традиционно считающаяся принадлежавшей халифу 'Али б. Аби Талибу, имеет общую длину 112 см. Хотя атрибуция этих двух мечей остается спорной, они, несомненно, представляют собой древнейшие известные *сафиха*. В действительности первая является уникальным образцом благородных йеменских *сафиха*, – таким, как они были детально описаны ал-Кинди, называвшим их *симсама*.

Вес мечей

Ибн Ахи Хизам предупреждает всадника, чтобы он никогда не употреблял меч, который для него слишком тяжел. Напротив, следует всегда пользоваться тем, с которым обращаться совсем легко [27]. Самым легким типом меча, согласно ал-Кинди, был йеменский «кубуриййа», который весил не более 2 *ратлей* (812.5 г.) и не менее 1 3/4 *ратля* (711 г.) [28]. В ранний исламский период такие мечи *кубуриййа* регулярно находили в гробницах доисламских «царей» Йемена, носивших титул «Тубба». Отсюда и термин «кубуриййа», происходящий от арабского «кабр», т.е. «могила» [29]. Со слов ал-Кинди понятно, что в его время такие мечи можно было найти на имевшем международное значение рынке мечей в Багдаде, однако неизвестно, говорит ли ал-Кинди об оригинальных мечах или о новых, изготовленных в том же стиле. Максимальным из упомянутых ал-Кинди является вес в 5 *ратлей* (ок. 2.03 кг.), – столько весила благородная йеменская *сафиха*, а также благородный клинок, изготовленный из индийской стали, называемый «ал-факрун» [30].

Более распространенным был вес от 2 3/4 *ратля* (ок. 1117.18 г.) до 4 1/2 *ратля* (ок. 1828.1 г.). К сожалению, вес ранних исламских и аббасидских мечей, хранящихся в музее Топкапы и Восном Музее в Стамбуле, не опубликован, так что сравнить их с изображениями ал-Кинди или нарисовать более четкую картину среднего веса мечей периода Аббасидов не представляется возможным.

Способ (manner) ношения меча

Мечи, вне зависимости от их стиля, носились подвешенными к перевязи или ремню через плечо, называемому по арабский «*хама'ил*» или «*ма'алик*», или на перевязи для меча (sword-belt girdle), по-арабски известной как «*ман-хака*» (мн. «*маханик*») или «*хийаса*» (мн. «*хийасат*»). При этом двулезвий-

ные мечи чаще носились согласно по старой моде, в то время как *хусравани*, *кылыч* или «согдийские», как правило, по турецко-иранской традиции пришевались к поясу.

Хотя второй из упомянутых способов стал к III / IX в. преобладающим в кавалерии Аббасидов, Ибн Ахи Хизам находит, что тот ставит всадника в бою под угрозу, и на этом основании его полностью отвергает [31]. Он утверждает, что всаднику достаточно одной руки для того, чтобы быстро вытащить меч, привязанный к ремню через плечо, в то время как для того, чтобы вынуть из ножен меч, подвешенный к поясу, нужны обе руки. Соответственно, кавалерист может с легкостью в ходе битвы менять оружие и, что самое важное, никогда не теряет контроля над своей лошастью и не раскроется под удар врага. Следует носить короткий ремень через плечо или перевязь, чтобы эфес меча оставался на уровне груди всадника. Когда всадник захочет вынуть меч из ножен, ему нужно просунуть левую руку, которой он держит поводья, между верхней частью меча – как раз под устьем (*mouth*) ножен – и ремнями перевязи. Затем он должен приложить усилие в направлении от себя, так чтобы оттолкнуть и удержать нижнюю часть меча на уровне своего бедра. После этого он – поверх левой руки – правой рукой вынимает меч. Таким же образом меч помещается обратно в ножны. Для того чтобы осуществить эти действия быстро и правильно, всадник должен всегда быть уверен в том, что клинок движется в ножнах в обоих направлениях с абсолютной легкостью. Этому, по рекомендации Ибн Ахи Хизама, способствует сделанное на лицевой стороне устья ножен вертикальное отверстие [32]. Очевидно, это указывает на то, что всадники носили не мечи, а сабли, так как подобная прорезь имеет смысл только в том случае, когда клинок изогнут.

«Сайф ар-рикаб», седельный меч [33]

Возможно, Ибн Ахи Хизам не стал бы настаивать на применении указанного выше способа ношения меча и вынимания его из ножен, если бы вся кавалерия Аббасидов была бы стандартно экипирована дополнительным мечом – седельным. Такой меч крепился к седлу под левым бедром всадника и, как правило, вынимался при помощи только одной руки.

Самое раннее упоминание *сайф ар-рикаб* относится к первой четверти IV / X в.: имеется утверждение о том, что когда халиф ал-Муктадир (295-320 / 908-932 гг.) выступил в 320 / 932 г. против Му'нис ал-Хадима, к красной кожи ремню через плечо или перевязи халифа был подвешен меч Пророка, имя которого было Зу-л-факар, а помимо этого под его левым бедром к марокканскому седлу был прикреплен *сайф ар-рикаб*. То, что данная информация сообщается походя, указывает на то, что ношение *сайф ар-рикаб* в то время уже было обычной и распространенной частью экипировки всадника. Тем не менее, его употребление, по-видимому, было более типично для *гулямов* и других элитных кавалеристских частей.

Из трактатов *фурусийя* периода ранних мамлюков известно, что *сайф ар-рикаб* был стандартным и важным предметом в экипировке *ал-халка*, а также кавалерии мамлюков. Действительно, согласно мастерам *фурусийя*, в ближнем бою при поломке или потере *даббус* [34] – т.е. когда спасительным средством становился меч, – в первую очередь следовало пользоваться именно седельным мечом, а не тем, что крепится к поясу. Согласно одному из воинов отряда *халка* и мастеру [*фурусийя*] Бактуту ар-Раммаху (кон. VII / XIII в.), причиной было то, что личный меч всадника выступал последним и единственным спасением в том случае, если в ходе битвы он был сбит с коня. Поэтому, настаивает Бактут, чтобы всадник на лошади не сломал и не потерял меч, прикрепленный к пояснице, он никогда не должен им пользоваться, кроме тех случаев, когда тот остается последней надеждой.

Ношение нескольких мечей

Почти общее место то, что в доисламской и ранней исламской Аравии племенные вожди, знаменитые всадники и вообще все те, кто мог себе это позволить, имели при себе во время войны два меча или даже более. Но этот обычай в большей степени связан с практическими соображениями, нежели с престижем или социальными различиями. В ранней Аравии меч был единственным оружием ближнего боя, и сохранялся риск того, что в ходе битвы он не только может затупиться, но даже сломаться – особенно при столкновении с врагом, защищенным доспехами. Например, сообщается, что в битве при Му'та (8 / 629) в руке Халида б. ал-Валида сломалось девять мечей, часть которых – конечно, не все девять, – он носил сам.

Практика ношения двух мечей – по одному привешенному к перевязи с каждого бока – сохранилась вплоть до периода ранних Аббасидов. Она была воспринята людьми разного культурного и социального происхождения: от такого высокопоставленного сановника, как ал-Фадл б. Сахл (ум. 202 / 818) – визир халифа ал-Ма'муна, – до профессионального солдата отряда *Хурасани / Ираки* по имени Аббас ан-Нахшаби (п.п. III / IX в.).

Однако в тот период, когда мечу как оружию ближнего боя стала отводиться второстепенная роль и когда в ходе подготовки кавалериста систематически регулировались и стандартизировались тип и число используемого им оружия, ношение двух мечей на перевязи, должно быть, выглядело анахронизмом.

Фактически, эта практика, которая с самого начала была обычаем элиты, встречалась теперь спорадически и как признак особой индивидуальности. Определенно, при Аббасидах она так и не стала стандартом.

Примечания

1. Пионерскими в данной области продолжают оставаться работы Д. Николь и М. Горелик.

2. См.: Shihab al-Sarraf. Adab al-furusiyya fi'l-'asrayan al-'abbasi wa'l-mamluki // Furusiyya I. Ed. Shihab al-Sarraf. Riyadh, 2000. Pp. 104-39 (далее: «Shihab al-Sarraf, Furusiyya...»). Также: Shihab al-Sarraf. Furusiyya literature of the Mamluk period // Furusiyya I. Ed. David Alexander. Riyadh, 1996. Pp. 118-35.

3. Термин «абна'» (буквально «дети» или «потомки») изначально использовался для обозначения первых «хурасани» [хорасанцев / хорасанских гвардейцев – прим. редактора перевода], которые утвердили династию халифов Аббасидов на престоле и которые в основном были арабскими поселенцами в Хорасане. Однако поскольку рекрутирование в хурасани продолжалось, этот термин стал употребляться по отношению к любым потомкам первого поколения воинов хурасани вне зависимости от времени их прибытия в Ирак или этнического происхождения. Для абна' – как арабского, так и персидского происхождения, потомков и ранних, и поздних хурасани – было характерно чувство крепкого единства и солидарности. Воспитанные и выученные согласно правилам аббасидской фурусийя, они, служа и как кавалерия, и как пехота, представляли грозную военную силу. Их преданность Ираку, Багдаду и дому Аббасидов была почти фанатичной. Выдающиеся представители абна' всегда могли вступить в корпус хурасани и получить командные посты, как это и случилось с Ибн Ахи Хизамом.

4. Дядя Ибн Ахи Хизама был одним из наиболее выдающихся военачальников корпуса хурасани при халифе ал-Му'тасиме, а также был его начальником конюшен (master of stables). Его звали Хизам Ибн Галиб, откуда и прозвище «Ибн Ахи Хизам», что буквально значит «сын брата Хизама» (см. Shihab al-Sarraf, Furusiyya..., 120).

5. Подробнее см. Shihab al-Sarraf, Furusiyya..., 118-21.

6. Ibid., pp. 119-20.

7. A.R. Zaki: см. ниже, а также Библиографию [Zaki, A.R. Islamic Swords in Middle Ages // Bulletin de l'Institut d'Égypte 36. 1953-54. Zaki, A.R. Medieval Arab Arms // Islamic Arms and Armour. London, 1979].

8. См. Shihab al-Sarraf, Furusiyya..., 120.

9. Анализ трактата см. Shihab al-Sarraf, Furusiyya..., 120.

10. Ibn Akhi Hizam. al-Kamal fi'l-furusiyya... Библиотека мечети Фатих в Стамбуле, инв. № 3513, fol.70a-b.

11. Ibid., fol.72b, 73a-b и 74a.

12. Al-Kindi, ibid, pp.10, 30.

13. Al-Jahiz. Rasa'il. Ed. A. Harun. 4 vols. Cairo, 1964-79. Vol.I. P.24.

14. Al-Jahiz. Al-Tabassur bi'l-tijara. Cairo, 1935. Pp.28-29. Тж.: al-Duri, 'Abd al-'Aziz. Tarikh al-'iraq al-iqtisadi fi'l-qarn al-rabi' al-hijri («Экономическая история Ирака в IV / X в.»). 2nd ed. Beirut, 1986. P.139.

15. См. напр.: al-Maqrizi. Al-Suluk li ma'rifat duwal al-muluk. Ed. M.M. Ziyadah, S.A. 'Ashur. Cairo, 1934-73. Vol.II. Pp. 46, 48. Следует отметить, что при церемонии коронации аббасидские халифы вручали мамлюкским султанам также саблю *калджури* с перевязью. Кроме того, сами султаны носили и арабский меч, и саблю *калджури*. Традиция подношения двух мечей известна с периода ранних Аббасидов. Возможно, к концу III / IX в. или к началу IV / X в. одним из двух мечей, подносимых полководцам, была сабля *хисравани*. Очевидные свидетельства этого сохранились с периода поздних Аббасидов, когда поднесение тюркским султанам арабского меча и сабли *калджури* стало частью придворного церемониала. См. напр.: al-Nazawi. Muhammad Ibn Ahmad. Sirat al-sultan jalat al-din mangubarti. Ed. H.A. Hamdi. Cairo, 1953. Pp.307-8.

16. Ibn Mangli, Muhammad. 'Unsu'l-mala bi wahshi'l-fala. Dar al-kutub al-misriyya. Inv.№ 12 Sina'a fols. 16a & 20a.

17. Al-Hasan Ibn 'Abdallah al-'Abbasi. Athar al-'uwal fi tadbir al-duwal // Tarikh al-khulafa'. Publ. Jalal ad-Din al-Suyuti. Cairo, 1305 / 1886. P.184. Сохранилось две рукописи труда ал-Аббаси: в Национальной библиотеке в Париже, инв. № 5980, и в Библиотеке Военного музея в Каире, инв. № 383. О некоторых сохранившихся европейских экземплярах этого так называемого «бедуинского» меча см.: E. Combe, A.F.C. De Cosson. European Swords with Arabic inscriptions from the armoury of Alexandria // Bulletin de la Societe royale d'Archeologie d'Alexandrie, XXXII. 1938. Pp.158-61.

18. Первоначально – до того, как стать синонимом *сайф*, – термин *ас-самсама* использовался для обозначения двулезвийного арабского меча, который не гнулся («ла йансани»). Ал-Кинди, однако, использует этот термин для обозначения большого благородного двулезвийного «йеменского» меча *йамани* с желобком на лезвии (fluted). Термин *самсама* прославился в арабской литературе благодаря тому, что знаменитый воин-поэт 'Амр Ибн Ма'дикарб (ум. 21 / 641) дал своему мечу именно такое имя.

19. Al-Maqrizi. Musawwadat kitab al-mawa'iz. Ed. A.F. Sayyid. London, 1416 / 1995. P.151.

20. Al-Jahiz. Rasa'il... Vol.I. Pp.19-20.

21. См. напр.: F. Steingass. A Comprehensive Persian English Dictionary. 2nd ed. Lnd., 1930. P.961.

22. Правда, он встречается как имя и титул, особенно у Сельджукидов (напр. несколько правителей по имени Кылыч Арсалан).

23. Тем не менее, совр. тур. «кылыч» - «сабля» – прим. редактора перевода.

24. См.: Yucel Unsal. Al-Suyuf al-'islamiyya wa sunna'uha. Kuwait, 1988. P.138. (Оригинал на турецком, пер. на арабский Y.A. Oglu).

25. Ibn Akhi Hizam. al-Kamal fi'l-furusiyya... fol.13.

26. Al-Kindi, op.cit, p.13.

27. Ibn Akhi Hizam. al-Kamal fi'l-furusiyya... fol.70a.

28. Al-Kindi, op.cit, p.17, 19, 21.

29. Al-Biruni, Muhammad Ibn Ahmad. Al-Jamahir fi'l-jawahir, ed. Yusuf al-Hadi. Iran, 1995. Pp.372, 409. Al-Kindi, op.cit, p.17, 19, 21. Значение термина *кубуриййа* в трактате ал-Кинди о мечах ускользнуло от бдительного внимания редактора труда, покойного 'Абд ар-Рахмана Заки, полагавшего, что это ошибка переписчика. Соответственно, он позволил себе заменить это слово термином *каджуриййа*, усугубив ошибку тем, что, ссылаясь на плохо информированный источник (Z.M. Hasan. Kunuz al-fatimiyyin. Cairo, 1937. P.56), определил последний как андалузский двулезвийный меч. См. Al-Kindi, op.cit, p.17, 19, 21; и A.R. Zaki. Al-Sayf fi'l-alam al-'islami. Cairo, 1957. P.117.

30. Al-Kindi, op.cit, p.21.

31. Ibn Akhi Hizam, op.cit, fol.70b.

32. Ibid, fol.71b.

33. Автор переводит «*сайф ар-рикаб*» как «седельный меч» («saddle sword») и употребляет этот термин по всему тексту; однако араб. «*рикаб*» – «стремя» – прим. редактора перевода.

34. Булава – прим. редактора перевода.